

(Пере)осмысляя советский проект*

В. С. Малахов, Д. Э. Летняков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82

Для цитирования: Малахов В. С., Летняков Д. Э. (Пере)осмысляя советский проект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 486–498. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.310>

В осмыслении советского проекта нередко обнаруживается тенденция к его этнической редукции. Другими словами, советский проект предлагается понимать либо как «нерусский» (в этом случае акцент делается на непропорционально высокой доле этнических меньшинств среди революционеров), либо как продолжение традиций русского империализма и мессианства (тогда большевизм видится проектом, навязанным из центра нерусским окраинам). Статья призвана доказать аналитическую непродуктивность обеих точек зрения. С этой целью авторы обращаются к анализу идеологических установок большевиков, устройства советского культурно-символического пространства, а также национальной политики в СССР в разные периоды. В ходе проведенного исследования советская эпоха была условно разделена на три периода: империи «положительного действия» (по Т. Мартину), сталинского «руссоцентризма» (по Д. Бранденбергеру), позднесоветского «мультикультурализма». В ходе первого периода коммунистический проект выступает как универсальный, космополитический, а потому по определению сверхэтнический. В ходе второго периода акцент смещается с интернационализма на «руссоцентричный» советский патриотизм. Тем не менее советский народ продолжает мыслиться как «многонациональный», а главное — все население страны, вне зависимости от этничности, по-прежнему рассматривается как материал для лепки «нового человека» коммунистической эпохи. Наконец, на третьем этапе (оттепель — перестройка) можно говорить о формировании общесоветской культуры, выстроенной поверх этнонациональных границ. Таким образом, показано, что обе критикуемые в статье точки зрения не улавливают специфику советского проекта и игнорируют степень радикальности исторического разрыва, вызванного событиями октября 1917 г.

Ключевые слова: коммунизм, советский проект, революция, национализм, империя, интернационализм.

Введение

Казалось бы, что может быть общего между русскими евразийцами и сменовеховцами 1920–1930-х годов, западными советологами 1980-х годов и адептами деколонизации в постсоветских странах 2020-х? Между тем всех их объединяет понимание СССР как реинкарнации Российской империи. Мы намерены бросить

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

вызов этому пониманию. И не только по той причине, что оно приглашает к *игнорированию глубины и радикальности исторического разрыва*, произошедшего в октябре 1917 г. и представлявшего собой именно революцию, т. е. принципиальную смену устройства общества. (Это обстоятельство, на наш взгляд, более или менее очевидно и не нуждается в экспликации.) Менее очевидно другое: подобный подход провоцирует *этноцентричное прочтение советского проекта*. Последний понимается либо как *русский* проект (навязывание нерусским окраинам идей и институтов, исходящих из русского центра), либо, напротив, как проект *нерусский* (навязывание этническому большинству страны идей и институтов, агентами которых выступали в основном представители этнических меньшинств).

Первое из этих прочтений восходит к известной работе Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Философ полагал, что случившееся в 1917 г. было не чем иным, как реализацией дремавших в русском народе разрушительных энергий — с одной стороны, анархизма и нигилизма, с другой — особого типа религиозности, требовавшей установления Царствия Божьего здесь и сейчас; большевистская Россия оказывалась, таким образом, закономерным продолжением предшествовавшей русской истории [1]. Эту мысль в том или ином виде развивали евразийцы и сменовеховцы, а также многие историки-эмигранты и советологи [2; 3]. Трактовка большевизма как версии русского империализма стала едва ли не мейнстримом в советологии [4–7]. Популярность обрели также теории (по сути, восходящие к упомянутой работе Бердяева), согласно которым коммунистическая вера большевиков была разновидностью русского мессианизма [8; 9]. Наконец — уже без особых историсофских построений — взгляд на советский период собственной национальной истории как на период «русско-советского колониализма» получил распространение в официальной идеологии ряда постсоветских государств. Отвлекаясь от нюансов, отличающих упомянутые публикации друг от друга, отметим принципиальное допущение, которое они разделяют: коммунизм как идея возник в русской среде, после чего был (насильственно) распространен на остальное население империи. Нерусские подданные последней были лишь пассивным вместилищем импульсов, исходивших из русского центра.

Второе прочтение свойственно части русских националистов и некоторым западным историкам [10; 11], акцентирующим внимание на этническом происхождении первой волны российских революционеров. На том основании, что среди них — особенно среди лидеров — было непропорционально много выходцев с национальных окраин (евреи, латыши, грузины, армяне, поляки и т. д.), делается вывод о нерусской природе коммунистического эксперимента. Согласно данному мнению, Октябрьскую революцию (или, как предпочитают выражаться в этой среде, «переворот») нельзя назвать русской революцией постольку, поскольку русский народ в массе своей был индифферентен к революционным лозунгам большевиков. Истинным драйвером коммунистического эксперимента была негативная энергия этнических меньшинств, радикализировавшихся в результате дискриминации, которой они подвергались при царском режиме.

Любопытно, что в высказываниях «лидеров общественного мнения» современной России присутствуют элементы обеих логик. Советский проект здесь предстает то как эпизод в многовековой истории русской государственности, то как антирусский эксперимент.

В нижеследующем изложении будут приведены аргументы, показывающие, что интерпретация советского проекта в этнических терминах ошибочна. С этой целью мы обращаемся к анализу политической культуры и идеологических установок большевиков, устройства советского культурно-символического пространства в разные периоды, а также к рассмотрению эволюции национальной политики в СССР («империя положительного действия» — сталинский «руссоцентризм» — позднесоветский «мультикультурализм»). Как будет показано далее, в первые полтора десятилетия после революции советский проект выступает как космополитически-мессианский, что делает его сверхэтническим и наднациональным по определению; что касается «великого отступления» середины 1930-х годов, то оно не означало возвращения к русскому империализму и национализму дореволюционной эпохи — советское государство по-прежнему продолжает репрезентировать себя как культурно сложное (пусть центральное место и отводится теперь русскому языку и культуре); наконец, с эпохи оттепели, по мере ослабления «руссоцентричных» тенденций, можно говорить о складывании в СССР *сверхэтнической советской культуры*. Последняя, хоть и функционировала преимущественно на русском языке, не была тождественна русской культуре.

Универсализм большевизма: советское как нерусское

Не стоит упускать из виду, что большевистский проект представлял собой *планетарную утопию*. Он предполагал радикальное преобразование общества и человека во всемирном масштабе (революция, произошедшая в России, понималась лишь как пролог к мировой). Не случайно люди искусства, вдохновленные революционными идеями, видят свою миссию в создании смыслового универсума, не связанного с каким-либо этническим субстратом. Велимир Хлебников (кстати, считавший себя не «Председателем Земного шара», а лишь основателем «Общества Председателей Земного шара») декларирует необходимость «создать общий письменный язык, общий для всех народов третьего спутника Солнца, построить письменные знаки, понятные и приемлемые для всей населенной человечеством звезды, затерянной в мире» [12, с. 94–95]. а члены группы «Перевал» настаивают, что литература, создаваемая в Советской республике, «должна воздействовать на угнетенные классы всего мира, организуя и революционизируя их в целях социального раскрепощения» [13, с. 280]. Казимир Малевич заявляет, что «не сегодня-завтра человек [благодаря коммунизму] должен познать человека, стоящего вне наций и отечеств, Государств, должен познать [его] вне народных различий, вне религий, обычаев и быта...» [14, с. 153]. В числе задач знаменитого «киноглаза» — творческого метода режиссера Дзиги Вертова — с помощью кинокамеры установить «зрительную связь между трудящимися всего мира» [15, с. 84].

В такой оптике *национальная принадлежность решительно отодвигается на задний план* — вплоть до отказа от этнической идентификации на личностном уровне. Известен исторический анекдот: когда вскоре после революции к Троцкому пришла делегация евреев из Малороссии, просившая наркома посодействовать соплеменникам, тот нешуточно разозлился, заявив, что он «не еврей, а интернационалист» [16, р. 536].

Конечно, большевистские лидеры отдавали себе отчет в том, что вопрос об этническом происхождении не может быть попросту отброшен, однако они не считали его значимым для самосознания революционера, а идеологию, которая ставит этот вопрос во главу угла, подвергали самой бескомпромиссной критике. «Воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии, — вот основной факт современности» [17, с. 9], — сетовал Ленин накануне Первой мировой войны, призывая последователей марксизма «бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов» [17, с. 9].

В той мере, в какой коммунистический проект носил *универсалистский* характер, он был лишен этнонациональной привязки. Логично поэтому, что на протяжении первых полутора десятилетий после захвата власти большевистские лидеры предпринимают попытки обозначить и утвердить *символический разрыв* с прежней Россией. Календарь революционных дат вместо церковного календаря, новые ритуалы («октябрины» или «красные крестины» вместо православных крестин) и имена новорожденных (Владлен, Икра, Виль), предложение использовать в качестве языка революции эсперанто — вот лишь несколько свидетельств этого разрыва. В ту же логику разрыва укладывается и кампания по переводу на латиницу письменности многих народов СССР. К 1932 г. на латинский алфавит были переведены 66 языков среднеазиатских, кавказских и финно-угорских народов. Обсуждается вопрос о переводе на латиницу и русского алфавита (sic!) [18]. В течение 1920-х в советских школах вообще не преподается история, а само обучение является глубоко интернационалистическим — если слово «родина» вообще и употребляется, то лишь в значении малой родины [19, р. 116–117]. Гимном страны — вплоть до 1943 г. — остается «Интернационал». Ленинский план «монументальной пропаганды», по разным причинам до конца не воплощенный в жизнь, предполагал замену старых памятников на улицах и площадях монументами героям-революционерам (братьям Гракхам, Бруту, Робеспьеру, Марату, Р. Люксембург и т. д.) [20, с. 376]. Наконец, под подозрением находятся Олимпийские игры: коль скоро они задуманы как соревнование сборных команд отдельных стран, тогдашние советские чиновники от спорта считают их не чем иным, как «праздником национализма и шовинизма» [21, с. 125]. (Спортсмены из СССР не принимали участия в Олимпийских играх на протяжении всего довоенного периода.)

Нельзя не согласиться с Рональдом Суни (R. G. Suny), констатировавшим, что «большевистская политическая культура всегда была глубоко антинациональной» [22, р. 506].

Но если этничность мыслится коммунистами как нечто подлежащее стиранию, как объяснить то обстоятельство, что на протяжении более чем десятилетия они проводят политику «коренизации», т. е. максимально возможного поощрения нерусских этнических групп в культурной сфере, в кадровой политике и т. д.? Конспирологический ответ на этот вопрос мы отмечаем¹. Вслед за рядом авторитетных исследователей мы полагаем, что альтернативы этой политике в начале 1920-х годов не суще-

¹ В кругах русских националистов популярна идея, согласно которой большевики — в силу своей оторванности от корней народной жизни — были настроены антирусски и стремились привилегировать национальные меньшинства за счет русского большинства (конец этой вопиющей практике положил в середине 1930-х годов Сталин).

ствовало. Как справедливо отметила Франсин Хирш (F. Hirsch), грандиозная задача построения социализма на территории бывшей царской России приобретала особую сложность не только потому, что речь шла о стране с крайне разнородным населением, но и потому, что решать эту задачу пришлось в эпоху национализма [23, р. 6]. После Парижской мирной конференции (1918) мир был буквально одержим принципом национального самоопределения. Стало быть, старомодная ориентация на «единую и неделимую» была заведомо проигрышной. Удержать власть коммунисты могли только демонстрируя нерусским народам, что те имеют дело с государством нового типа, а не со вторым изданием имперской России. Кроме того, административные задачи, вопросы управления многонациональным населением без опоры на кадры на местах решать невозможно. Нужны выходцы из местной среды, обладающие local knowledge, включая знание языка [24].

Отход от универсализма: советское как «русское +»

Как известно, к середине 1930-х годов политика «коренизации» сворачивается², на ее место приходят теория и практика, которые ряд исследователей описывают в терминах «национал-большевизма» [2; 26] или «великодержавного шовинизма» [27]. Собственно, отход от прежних установок национальной политики наметился несколько раньше — Терри Мартин (T. Martin) ведет отсчет «великого отступления» с 1933 г. [25] (первоисточник: [28]). Закрываются национальные школы, вводится символическая иерархия народов и культур, высшая ступень в которой принадлежит русским, в соответствии с новой картиной общества пересматриваются учебные программы.

Этот процесс получил достаточно подробное освещение в литературе, и мы не будем на нем останавливаться. Нас будут интересовать два вопроса: в чем состояли причины произошедшего сдвига и корректно ли его характеризовать как сдвиг в сторону русского национализма.

Дэвид Бранденбергер (D. Brandenberger), посвятивший изучению «национал-большевизма» докторскую диссертацию и несколько монографий, приходит к выводу, что, причины данного сдвига следует искать не в идеологической, а в практической сфере [29; 30]. Соображения, которыми руководствовался Кремль, сворачивая политику коренизации, носили прагматический, а не доктринальный характер. Это были соображения двоякого рода. Во-первых, прежняя стратегия обнаружила крайнюю неэффективность с точки зрения *raison d'état*. Принцип деления территории по национальному признаку вел к бесконечному дроблению пространства страны вплоть до отдельных национальных сел. Недостаточное владение русским языком (т.е. фактическое отсутствие единого государственного языка) имело своим следствием неудовлетворительную ситуацию в вооруженных силах (координация действий армии невозможна, если командиры и солдаты отдельных частей получают и отдают приказы на разных языках) [31]. Немаловажны и административные и финансовые издержки, связанные с политикой коренизации. Установка

² Сворачивание этой политики не означало, однако, полного отказа от нее. Как показал Терри Мартин, во второй половине 1930-х годов эту политику стали проводить (а) не афишируя и (б) в более мягких формах [25, с. 468–540; 23].

на «советизацию на ста языках» на практике вылилась в хаос в образовательной системе³.

Во-вторых, по мере того, как становилось очевидным, что мировая революция откладывается и что социализм придется строить в одной отдельно взятой стране, обнаруживалась неэффективность прежней политики в символической сфере. Радикальный интернационализм, которого придерживались большевики первого призыва, не был способен предложить обществу консолидирующих образов и смыслов. Решить эту задачу можно было только апеллируя к символам, вызывающим живой эмоциональный отклик у большинства населения. А поскольку большинство составляли русские, этими символами стали отдельные фигуры и события русской истории⁴.

Итак, советское руководство обратилось к риторике «русского национализма» потому, что считало такое обращение стратегически выигрышным, а не потому, что разделяло базовые допущения идеологии русского национализма. Базовыми допущениями новых обитателей Кремля были и оставались идеи коммунизма. Здесь, пожалуй, стоит отдельно остановиться на тезисе, согласно которому Сталин ко второй половине 1930-х идейно эволюционировал, превратившись из коммуниста в русского националиста. Это заблуждение. Идея создания русского национального государства была Сталину чужда. Это не государство русских и для русских. Это многонациональное государство, в котором русским отводится особая роль — роль главной опоры в строительстве социалистического государства. Этатизм не следует смешивать с национализмом.

Поворот середины 1930-х затрагивает по преимуществу риторическую и символическую сферы. Речь идет скорее о смене акцентов, чем о смене политики⁵. Риторика пролетарского интернационализма вытесняется риторикой «советского патриотизма». Символическое наполнение последнего столь очевидно руссоцентрично, что впору заподозрить власти в возвращении к «великодержавному шовинизму» времен империи Романовых. И все же не стоит отождествлять большевизм с имперским национализмом, даже если он приобрел черты «национал-большевизма».

Кремль не ставит своей целью русифицировать граждан СССР. Он ставит целью их советизировать⁶. А советизация вовсе не предполагает культурной ассимиляции — напротив, власти исходят из императива развития «советских на-

³ Согласно данным, приводимым Ю. Слезкиным, в 1926 г. только в одной Абхазии было 43 армянских школы, 41 греческая, 27 русских, 2 эстонские и 2 немецкие [32].

⁴ Отметим, что обращение к дореволюционной России носило крайне избирательный характер.

⁵ Любопытна в этой связи полемика, которую ведет с Терри Мартином Франсин Хирш: по убеждению исследовательницы, никакого «поворота» в политике большевиков в 1930-е годы не произошло. В долгосрочной перспективе они всегда стремились к одному — «провести *все* население по марксистской шкале исторического развития: преобразовать роды и племена феодальной эпохи в национальности, а национальности — в социалистические нации, которые когда-нибудь в будущем, при коммунизме, должны будут слиться воедино» [23, р. 8–9].

⁶ Напомним, что это относится и к русскому народу. Он, разумеется, привилегирован и в силу того, что русский язык выступает как государственный, и поскольку персонажи именно русской истории и культуры образуют официальный символический пантеон, на который ориентирован советский патриотизм. Однако с точки зрения национальной культурной традиции русские подвержены символическому насилию не в меньшей степени, чем все остальные: ведь основанием русскости до 1917 г. выступало православие, а принудительный государственный атеизм это основание уничтожил.

ций», включая развитие их самобытных культур. Отсюда колоссальные вливания в поддержку (и кое-где и создание) национальных кинематографа, театра, оперы и т. д. [33].

Стоит также обратить внимание, что риторический сдвиг, о котором идет речь, не был полным и окончательным. Полемика неонационалистов и интернационалистов внутри сталинского пропагандистского аппарата никогда не прекращалась. В исследованиях уже упомянутого выше Д. Бранденбергера показано, например, как сторонники обоих лагерей вели подковерную борьбу друг с другом, периодически апеллируя к центральной власти; последняя же предпочитала скорее балансировать между двумя крайностями, чем явно вставать на ту или другую сторону [29; 30].

Показательным был момент начала войны. Растерянные пропагандисты судорожно искали единый набор эмоционально заряженных символов, понятных многонациональному населению и, соответственно, способных мобилизовать его на защиту страны с оружием в руках. По этой причине в первые два года войны, наряду с символами русской истории и культуры, пропаганда активно апеллирует к интегративным фигурам нерусских историй (грузинской, казахской, башкирской и т. д.). И лишь после того, как в 1943 г. намечается перелом в войне, неонационалисты берут верх над интернационалистами.

Как бы то ни было, власть не забывает напоминать советскому народу о его многонациональности. На культурно-символическом уровне поддерживается образ общности, который можно передать как «русские +». Иными словами, советское общество понимается как совокупность из множества народов, в котором «первым среди равных» выступает русский народ, но нерусским также отводится почетная роль.

Вполне закономерно, что в постсталинский период публичная риторика опять меняется. На передний план вновь выходит интернационализм. Образовательная политика и культурный канон перебалансируются с целью избежать чрезмерного руссоцентричного крена. Появляется все больше официально одобряемых нерусских персонажей. Наряду с Тарасом Шевченко и Шота Руставели, введенными в канон еще в сталинские годы, это Муса Джалиль, Янко Купала, Иван Франко, Леся Украинка и, разумеется, Низами, Фирдоуси, Рудаки, Омар Хайям и т. д., сигнализирующие о почитании государством культур Востока.

Позднесоветское как мультикультурное: общая повестка при признании различий

В последние три десятилетия существования СССР громко заявил о себе феномен *советской культуры*. Советской не в смысле идеологии, а в смысле семантической паутины, связывающей граждан страны поверх этнонациональных границ. Окончательно оформилось единое культурное поле, нерусские агенты которого не менее значимы, чем русские. Если в эпоху зрелого сталинизма нерусским в этом поле отведена роль младших братьев, то в позднесоветский период они встают вровень с бывшим «старшим братом». Этот процесс наметился уже к концу 1950-х, когда общесоюзными знаменитостями становятся Арам Хачатурян и Рашид Бейбутов (первый — как явление «высокой культуры», второй — как любимец массовой аудитории).

Культовые персонажи советской интеллигенции брежневской поры — Микалоус Чюрлёнис, Нико Пиросмани, Шолом Алейхем, Сергей (Серсо) Параджанов, Вагит Мустафа-заде. Перед нами, заметим, не ассимилированные представители меньшинств, а художники с узнаваемым национальным лицом. На уровне так называемой массовой культуры безграничной популярностью пользуются Муслим Магомаев, София Ротару, Вахтанг Кикабидзе — артисты, национальная принадлежность которых находила *эстетическую* манифестацию.

Оглядываясь сегодня на эпоху перестройки и последовавший за ней распад СССР, трудно не поддаться соблазну представить этот процесс как некое продолжение истории национальной разделенности — как если бы то, что происходило в РСФСР, мало волновало людей в национальных республиках. На деле же повестка долгое время оставалась общей. Жители Москвы, Ленинграда или Новосибирска были озабочены теми же проблемами, что и их сограждане в Ереване, Тбилиси, Баку или Ташкенте. Идеологические водоразделы 1986–1988 гг. проходили не по линии «русский центр/нерусские окраины», а по линии «реформаторы/охранители»⁷. (Националистическая повестка — в смысле требования суверенитета — появляется не ранее конца 1980-х годов.)

Запрос на реформирование общественного устройства в тот период был крайне широк и крайне разнообразен. Он включал в себя и демократизацию (разумеется, по-разному понимаемую), и возрождение культурного наследия, и экологические проблемы.

Кажется почти невероятным, но в эпоху перестройки русские писатели-деревенщики мыслили в том же направлении, что и их среднеазиатские визави (скажем, Ольжас Сулейменов и его последователи). Повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой» резонировала с ностальгией казахских интеллектуалов по утрате форм жизни, связанных с традиционным сельским хозяйством. Экологическое движение в СССР делало тогда первые шаги, и в его авангарде шли опять-таки представители Казахстана — они привлекали общественное внимание к судьбе Аральского моря и протестовали против ядерных испытаний под Семипалатинском⁸. Запрос на реабилитацию жертв сталинского террора равным образом был общим: точками его сборки выступили «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова и «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Наконец, потребность в восстановлении обрубленных корней национальных традиций также скорее объединяла, чем разъединяла, жителей центра и окраин. Есть некая ирония в том, что среди самых частотных слов в лексиконе активистов Общества «Память» — «манкурты» и «манкуртизм», сошедшие со страниц романа киргизского писателя Чингиза Айтматова.

⁷ Во второй половине 1980-х в столицах союзных республик и национальных автономий так же, как и в Москве, противостояли друг другу сторонники курса Горбачева и его противники (в центре это сторонники Лигачева, в республиках — местная партноменклатура, враждебно настроенная к перспективе либерализации политической системы) [34].

⁸ Между прочим, первым произведением массовой культуры, благодаря которому советская публика осознала масштабы катастрофы с Аральским морем, был фильм «Игла» казахстанского режиссера Рашида Нугманова (1988). Фильм стал одним из самых знаковых произведений времен перестройки.

Заключение

Проведенный анализ показал несостоятельность этнической редукции советского проекта. В равной степени непродуктивными являются как попытки объявить данный проект «нерусским», так и представить его в качестве реинкарнации русского национализма, вообразить Российской империей 2.0. Не исключено, что здравомыслящему человеку сам этот тезис покажется тривиальным, однако мы живем в эпоху, когда здравый смысл сдает позиции. Умы людей в постсоветском пространстве, в том числе умы интеллигенции, находятся под воздействием самых причудливых теорий. В России это прежде всего конспирологические представления о Ленине и его сторонниках как иноагентах, которые на немецкие деньги пытались разрушить великую страну. В советском, таким образом, видят нерусское и антирусское начало. За пределами России это в первую очередь различные версии деколониальной и постколониальной теории, в рамках которых советское сводится к русскому [35]. Проблема всех этих способов описания советского заключается в том, что они не ухватывают его специфику.

Советский проект, будучи коммунистическим, нацелен на радикальное преобразование общества. Такая установка влечет за собой социальную инженерию. *Для коммунистов все население страны, независимо от этничности, — пластилин, из которого они лепят нового человека.* Если на ранних этапах коммунистического эксперимента правящие круги мыслят и действуют в духе миллениаризма [36], то по мере того, как они сталкиваются с сопротивлением материала, их стратегия становится более прагматичной. В эпоху зрелого сталинизма власти заигрывают с имперскими символами. В доктринальном плане эта игра не означала замены коммунистической идеи на националистическую. Однако непредсказуемым следствием риторического и символического сдвига 1939–1953 гг. стало появление в обществе идеологии русского национализма. В элитах, как среди партноменклатуры, так и среди интеллектуалов, формируется течение, удачно названное Николаем Митрохиным* «Русской партией» [37]. Между тем весьма симптоматично, что высшее руководство относилось к этому течению с изрядным подозрением, а в определенный момент даже перешло к репрессивным мерам по адресу его адептов⁹. Советские коммунисты эпохи застоя, конечно, ничем не напоминали пламенных революционеров эпохи раннего большевизма. Но чутье по отношению к чуждым коммунизму идеям они сохранили.

Литература

1. Бердяев, Н. А. (2016), *Истоки и смысл русского коммунизма*, СПб.: Азбука.
2. Агурский, М. С. (2003), *Идеология национал-большевизма*, М.: Алгоритм.
3. Pipes, R. (1994), Did the Russian Revolution Have to Happen? *The American Scholar*, vol. 63, no. 2, pp. 215–238.
4. Каррер д'Анкосс, Э. (2010), *Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней*, М.: Рос. полит. энцикл.
5. Hall, J. A. (1994), After the Fall: An Analysis of Post-Communism, *The British Journal of Sociology*, vol. 45, no. 4, pp. 525–542.

⁹ О борьбе КГБ с русскими националистами в начале 1980-х годов см.: [38, с. 428–430]. О репрессиях в отношении русских националистов много рассказывается и в упомянутой книге Н. Митрохина* [37].

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

6. Rowley, D. G. (1999), "Redeemer Empire": Russian Millenarianism, *The American Historical Review*, vol. 104, no. 5, pp. 1582–1602.
7. Schapiro, L. (1961), The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement, *The Slavonic and East European Review*, vol. 40, no. 94, pp. 148–167.
8. Duncan, P. (2000), *Russian Messianism. Third Rome, Revolution, Communism and After*, London; New York: Routledge.
9. Kuzio, T. (2001), Reviewed Work(s): Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and after by Peter J. S. Duncan, *International Affairs*, vol. 77, no. 2, pp. 459–460.
10. Brym, R. J. (1978), *The Jewish intelligentsia and Russian Marxism*, New York: Schocken Books.
11. Riga, L. (2008), The Ethnic Roots of Class Universalism: Rethinking the "Russian" Revolutionary Elite, *American Journal of Sociology*, vol. 114, no. 3, pp. 649–705.
12. Юрчак, А. (2014), *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*, М.: Новое литературное обозрение.
13. Декларация всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» (1929), в: Бродский, Н. Л., Львов-Рогачевский, В. и Сидорова, Н. П. (ред.), *Литературные манифесты. От символизма к Октябрю: сб. мат-лов*, М.: Федерация, с. 276–282.
14. Малевич, К. С. (2000), Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой, в: Малевич, К. С., *Собрание сочинений*, в 5 т., т. 3, М.: Гилея.
15. Вертов, Д. (1966), «Киноправда» и «радиоправда», в: *Статьи. Дневники. Замыслы*, М.: Искусство, с. 84–86.
16. Knei-Paz, V. (1978), *The social and political thought of Leon Trotsky*, Oxford: Clarendon Press.
17. Ленин, В. И. (1976), Критические заметки по национальному вопросу, в: *Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. О национальной гордости великороссов*, М.: Политиздат, с. 3–35.
18. Алпатов, В. М. (1997), *150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*, М.: Ин-т востоковед. РАН.
19. Bezrogov, V. (2012), 'If the war comes tomorrow': patriotic education in the Soviet and post-Soviet primary school, in: Bassin, M. and Kelly, C. (eds), *Soviet and post-Soviet identities*, New York: Cambridge University Press, pp. 113–128.
20. Стайтс, Р. (1994), Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций, в: Черняев, В. Ю. (ред.), *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*, СПб.: Глагол, с. 372–382.
21. Вагина, М. (2012), Советский спорт и политика рекорда, в: Глущенко, И. В., Кагарлицкий, Б. Ю. и Куренной, В. А. (ред.), *СССР: жизнь после смерти*, М.: Изд. дом ВШЭ, с. 119–136.
22. Suny, R. G. (1989), Nationalist and Ethnic Unrest in the Soviet Union, *World Policy Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 503–525.
23. Hirsch, F. (2005), *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*, Ithaca; London: Cornell University Press.
24. Аманжолова, Д. А. и Красовицкая, Т. Ю., (2023), *Советская национальная политика: критика современного концепта неокolonизма в свете модернизационных процессов в СССР в 1920–1940-е гг.: сб. статей*, М.: Ин-т рос. истории РАН.
25. Мартин, Т. (2011), *Империя «положительной деятельности»*. Нации и национализм в СССР, 1923–1939, М.: РОССПЭН.
26. Бранденбергер, Д. (2009), *Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956*, СПб.: Академический проект; ДНК.
27. Щербак, А. Н., Болячевец, Л. С. и Платонова, Е. С. (2016), История советской национальной политики: колебания маятника?, *Политическая наука*, № 1, с. 100–123.
28. Timasheff, N. S. (1946), *The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia*, New York: E. P. Dutton & Co.
29. Бранденбергер, Д. (2011), Выдвинуть на первый план мотив русского национализма, в: Суни, Р. Г. и Мартин, Т. (ред.), *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*, М.: РОССПЭН, с. 336–365.
30. Бранденбергер, Д. (2017), *Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941*, М.: Полит. энцикл.
31. Дмитриев, Т. (2013), «Это не армия»: национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурно-национальной политики (1920-е — 1930-е годы), в: Глущенко, И. В. и Куренной, В. А. (ред.), *Время, вперед! Культурная политика в СССР*, М.: Изд. дом ВШЭ, с. 108–132.

32. Слёзкин, Ю. (2001), СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность, в: Дэвид-Фокс, М. (ред.), *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период*, Самара: Самар. ун-т, с. 329–374.
33. Хестанов, Р. (2013), Чем собиралась управлять партия, учредив министерство культуры в СССР, в: Глущенко, И. В. и Куренной, В. А. (ред.), *Время, вперед! Культурная политика в СССР*, М.: Изд. дом ВШЭ, с. 35–49.
34. Дерлугьян, Г. (2010), *Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в микросистемной перспективе*, М.: Территория будущего.
35. Kassymbekova, V. and Marat, E. (2022), *Time to Question Russia's Imperial Innocence*. URL: <https://www.ponarseurasia.org/time-to-question-russias-imperial-innocence/> (дата обращения: 20.01.2024).
36. Слезкин, Ю. (2022), *Дом правительства. Сага о русской революции*, М.: АСТ; Corpus.
37. Митрохин, Н.* (2003), *Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы*, М.: Новое литературное обозрение.
38. Соколов, К.Б. (2007), *Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953–1985)*, СПб.: Нестор-История.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 2 июля 2024 г.

Контактная информация:

Малахов Владимир Сергеевич — д-р полит. наук, проф.;
<https://orcid.org/000-0003-0154-5785>, vmalachov@yandex.ru
Летняков Денис Эдуардович — канд. полит. наук;
<https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>, letnyakov@mail.ru

(Re)interpreting the Soviet Project**

V. S. Malakhov, D. E. Letnyakov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

For citation: Malakhov V. S., Letnyakov D. E. (Re)interpreting the Soviet Project. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 3, pp. 486–498.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.310> (In Russian)

Many scholars who reflect on the Soviet project tend to perceive it in ethnic terms. They interpret it either as “non-Russian” (emphasizing the disproportionate share of ethnic minorities among the revolutionaries) or as a continuation of the traditions of Russian imperialism and messianism (in which case Bolshevism is seen as a project imposed by the Russian center on the non-Russian periphery). The authors intend to prove the analytical unproductivity of both approaches. To do this, we address the ideological attitudes of the Bolsheviks, the structure of the Soviet cultural and symbolic space, as well as Soviet national policy over the course of seven decades. As part of the study, the Soviet era was conditionally divided into three periods: the empire of “affirmative action” (according to T. Martin), Stalin’s “Russo-centrism” (according to D. Brandenberger), and late Soviet “multiculturalism”. During the first period, the communist project appears as universal, cosmopolitan, and, therefore, by definition, super-ethnic. During the second period, the emphasis shifts from internationalism to “Russian-centric” Soviet patriotism. Nevertheless, central authorities continue to see the Soviet people

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

** The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project no. 075-15-2022-326).

as “multinational”, and, most importantly, the entire population of the country, regardless of ethnicity, is considered as material for forging a “new person” of the communist era. Finally, at the third stage (thaw/*perestroika*), we can talk about the formation of a Soviet culture that crosses ethno-national borders. Thus, it was shown that both approaches discussed in the article do not capture the specifics of the Soviet project and ignore the degree of radicalism of the historical turning point caused by the events of October 1917.

Keywords: communism, the Soviet project, revolution, nationalism, empire, internationalism.

References

1. Berdiaev, N. A. (2016), *Origins and meaning of Russian communism*, St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian)
2. Agurskii, M. S. (2003), *Ideology of National Bolshevism*, Moscow: Algoritm Publ. (In Russian)
3. Pipes, R. (1994), Did the Russian Revolution Have to Happen?, *The American Scholar*, vol. 63, no. 2, pp. 215–238.
4. Karrer d'Ankoss, E. (2010), *Eurasian Empire. History of the Russian Empire from 1552 to the present day*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
5. Hall, J. A. (1994), After the Fall: An Analysis of Post-Communism, *The British Journal of Sociology*, vol. 45, no. 4, pp. 525–542.
6. Rowley, D. G. (1999), “Redeemer Empire”: Russian Millenarianism, *The American Historical Review*, vol. 104, no. 5, pp. 1582–1602.
7. Schapiro, L. (1961), The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement, *The Slavonic and East European Review*, vol. 40, no. 94, pp. 148–167.
8. Duncan, P. (2000), *Russian Messianism. Third Rome, Revolution, Communism and After*, London; New York: Routledge.
9. Kuzio, T. (2001), Reviewed Work(s): Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and after by Peter J. S. Duncan, *International Affairs*, vol. 77, no. 2, pp. 459–460.
10. Brym, R. J. (1978), *The Jewish intelligentsia and Russian Marxism*, New York: Schocken Books.
11. Riga, L. (2008), The Ethnic Roots of Class Universalism: Rethinking the “Russian” Revolutionary Elite, *American Journal of Sociology*, vol. 114, no. 3, pp. 649–705.
12. Iurchak, A. (2014), *Everything was forever, until it was no more. The last Soviet Generation*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
13. Declaration of the All-Union Association of Workers’ and Peasants’ Writers “Pereval”, in: Brodskii, N. L., L'vov-Rogachevskii, V. and Sidorova, N. P. (eds), *Literary Manifestos. From Symbolism to October. Collection of Materials*, Moscow: Federatsiia Publ., pp. 276–282. (In Russian)
14. Malevich, K. S. (2000), Suprematism. The World as objectlessness, or eternal peace, in: Malevich, K. S., *Collected Works*: in 5 vols, vol. 3, Moscow: Gileia Publ., (In Russian)
15. Vertov, D. (1966), Film Truth and radio truth, in: *Articles. Diaries. Plans*, Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 84–86. (In Russian)
16. Knei-Paz, B. (1978), *The social and political thought of Leon Trotsky*, Oxford: Clarendon Press.
17. Lenin, V. I. (1976), Critical notes on the national question, in: *Critical Notes on the National Question. On the Right of Nations to Self-Determination. On the National Pride of the Great Russians*, Moscow: Politizdat Publ., pp. 3–35. (In Russian)
18. Alpatov, V. M. (1997), *150 languages and politics: 1917–1997. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space*, Moscow: Institut vostokovedeniia RAN Publ. (In Russian)
19. Bezrogov, V. (2012), ‘If the war comes tomorrow’: patriotic education in the Soviet and post-Soviet primary school, in: Bassin, M. and Kelly, C. (eds), *Soviet and post-Soviet identities*, New York: Cambridge University Press, pp. 113–128.
20. Staits, R. (1994), Russian revolutionary culture and its place in the history of cultural revolutions, in: Cherniaev, V. Iu. (ed.), *Anatomy of the Revolution. 1917 in Russia: Masses, Parties, Power*, St. Petersburg: Glagol Publ., pp. 372–382. (In Russian)
21. Vagina, M. (2012), Soviet sport and the politics of record, in: Glushchenko, I. V., Kagarlitskii, B. Iu. and Kurennoi, V. A. (eds), *The USSR: Life After Death*, Moscow: HSE Publishing House, pp. 119–136. (In Russian)

22. Suny, R. G. (1989), Nationalist and Ethnic Unrest in the Soviet Union, *World Policy Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 503–525.
23. Hirsch, F. (2005), *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*, Ithaca; London: Cornell University Press.
24. Amanzholova, D. A. and Krasovitskaia, T. Iu., (2023), *Soviet national policy: critic of the contemporary concept of neocolonialism in the light of modernization processes in the USSR in the 1920–1940s. Digest of articles*, Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN Publ. (In Russian)
25. Martin, T. (2011), *Affirmative action Empire. Nations and Nationalism in USSR, 1923–1939*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
26. Brandenberger, D. (2009), *National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity*, St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ.; DNK Publ. (In Russian)
27. Shcherbak, A. N., Boliachevets, L. S. and Platonova, E. S. (2016), History of Soviet national policy: Pendulum swings?, *Political Science*, no. 1, pp. 100–123. (In Russian)
28. Timasheff, N. S. (1946), *The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia*, New York: E. P. Dutton & Co.
29. Brandenberger, D. (2011), Bring to the fore the motive of Russian nationalism, in: Suni, R. G. and Martin, T. (eds), *The State of Nations: Empire and National Construction in the Era of Lenin and Stalin*, Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 336–365. (In Russian)
30. Brandenberger, D. (2017), *The crisis of Stalin's agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941*, Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ. (In Russian)
31. Dmitriev, T. (2013), “This is not an army”: national military building in the USSR in the context of Soviet cultural and national policy (1920s — 1930s), in: Glushchenko, I. V. and Kurennoi, V. A. (eds), *Time, Forward! Cultural Policy in the USSR*, Moscow: HSE Publishing House, pp. 108–132. (In Russian)
32. Slezkin, Iu. (2001), The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, in: Devid-Foks, M. (ed.), *American Russian Studies: Milestones in Historiography of Recent Years. The Soviet Period*, Samara: Samarskii universitet Publ., pp. 329–374. (In Russian)
33. Khestanov, R. (2013), What was the party going to manage by establishing the Ministry of Culture in the USSR?, in: Glushchenko, I. V. and Kurennoi, V. A. (eds), *Time, Forward! Cultural Policy in the USSR*, Moscow: HSE Publishing House, pp. 35–49. (In Russian)
34. Derlug'ian, G. (2010), *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. A World-System Biography*, Moscow: Territoria budushchego Publ. (In Russian)
35. Kassymbekova, B. and Marat, E. (2022), *Time to Question Russia's Imperial Innocence*. Available at: <https://www.ponarseurasia.org/time-to-question-russias-imperial-innocence/> (accessed: 20.01.2024).
36. Slezkin, Iu. (2022), *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*, Moscow: AST Publ.; Corpus Publ. (In Russian)
37. Mitrokhin, N.* (2003), *Russian party. The movement of Russian nationalists in the USSR. 1953–1985*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
38. Sokolov, K. B. (2007), *Artistic culture and the authorities in post-Stalin Russia: alliance and struggle (1953–1985)*, St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ. (In Russian)

Received: February 20, 2024

Accepted: July 2, 2024

Authors' information:

Vladimir S. Malakhov — Dr. Sci. in Political Science, Professor;

<https://orcid.org/000-0003-0154-5785>, vmalachov@yandex.ru

Denis E. Letnyakov — PhD in Political Science;

<https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>, letnyakov@mail.ru

* Is recognized as a foreign agent in the Russian Federation.